

УДК 130.2.

Байрачная Л. К.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена осмыслению символических аспектов легитимации государственной власти. Предпринята попытка проанализировать становление понятия «символический капитал власти», значение данного явления для легитимации государственной власти.

Ключевые слова: *легитимность, символ, символический капитал власти, политическое пространство.*

Статтю присвячено осмисленню символічних аспектів легітимації державної влади. Зроблено спробу проаналізувати становлення поняття «символічний капітал влади», значення цього явища для легітимації державної влади.

Ключові слова: *легітимність, символ, символічний капітал влади, політичний простір.*

The paper considers the symbolic aspects of the legitimation of state power. An attempt was made to analyze the emergence of the concept of "symbolic capital of power," the importance of this phenomenon in order to legitimize state power.

The keywords: *legitimacy, symbol, symbolic capital of power, the political space.*

Символы во все большей степени воздействуют на нас, визуальные образы становятся все более мощными. Волна визуальной образности столь могущественна, что ныне мы сталкиваемся с явлением “виртуальной реальности”, порождающей риск манипулирования образами, иллюстрирующими новости, и информацией, которая их сопровождает. (Резолюція 1276 (1995) Парламентської Асамблеї Ради Європи « Про силу візуальних образів» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, №10, 2003. – С. 33.)

Постановка проблемы. Актуальность темы исследования обусловлена системным кризисом украинского общества. Содержание и динамика преобразований общественной жизни требует переосмысления многих теоретических постулатов и выдвигает задачу разработки новых конструктивных подходов к осмыслению происходящих трансформаций. В таких условиях индивиды вынуждены приспособляться к изменениям, реагировать и рефлексировать, искать себе место в меняющемся мире. Они объективно теряют идентичность в качестве членов тех или иных социальных групп, положение которых в условиях радикальных перемен неопределенно, часто маргинально и подвержено исчезновению в качестве сравнительно устойчивых общностей.

Трансформация украинской политической системы декларирует новые политические приоритеты и задает иные темпы общественного развития.

Однако изменились не только формы власти от советского республиканского строя к постсоветскому. Изменения произошли в восприятии власти обществом в целом и отдельными его сегментами. При этом более заметной, наряду с сохранением традиционных для Украины принципов оценки и восприятия власти, стала сегментация ценностных ориентаций. Так, несмотря на декларирование принципа разделения властей, нередко всю власть ассоциируют с президентом государства. А в оценке эффективности власти доминируют критерии морального соответствия ее деятельности и «знаков компетентности». Поэтому кризисы политического развития в нашей стране в последние десятилетия во многом связаны с ценностным расколом социума и появлением различных ориентиров в понимании общественного прогресса.

В этой связи особую роль приобретает фактор политической манипуляции сознанием граждан. Возникает комплекс механизмов активного формирования массовых настроений, порой весьма изменчивых. И, соответственно, особую актуальность приобретает проблема предела подобного влияния, изучения степени устойчивости или изменчивости политических приоритетов отдельных граждан, социальных, корпоративных групп, их обусловленности историческими и культурными традициями.

Современное политическое пространство представлено преимущественно «медиатизированными личностями» как носителями специфической виртуальной политической культуры, формирующейся в современном культурном пространстве информационного общества. В этих условиях возможности средств массовой коммуникации, связанные с актуализацией событий и проблемных ситуаций, как никогда востребованы властью с целью создания соответствующих легитимизирующих структур сознания.

Современные властные инструменты требуют и новых понятийных конструкций, концептов, позволяющих осмыслить необходимость применения тех или иных методов конструирования политической реальности и политических процессов. Все это как никогда привлекает внимание и интерес к процессу легитимации путем создания неких символических построений.

Анализ научных исследований по данной теме. Исследование символической природы политической легитимации опирается на достаточно длительную традицию, коренящуюся в интеллектуальных практиках философско-правовой рефлексии по поводу идеально-нормативных оснований государственной власти. Проблема символа является одной из центральных проблем филологии, психологии, философии, политологии, социологии. Принципиальные положения о природе этого феномена были сформулированы в работах античных философов (Аристотель, Платон), в учениях Святых Отцов (Августин Блаженный, Николай Кузанский), в рамках немецкой классической философии (И. Кант, Г. Гегель).

Существенный вклад в разработку проблемы символа в философии и культурологии XX ст. был внесен неокантианцем Э. Кассирером, понимающим символ как некий культурологический принцип построения реальности. Такое

понимание символа как автономной основы общественного развития стало базовым для целого направления в современной философии – «философии символизма» (С. Лангер).

Т. Парсонс рассматривал функционирование социальной системы, осуществляемое под влиянием культуры, формируемой посредством различных групп символов. Наиболее важным в его концепции является процесс коммуникации, возможный благодаря действию значений и символов. Фундамент его теории социализации построен на положении существования общих систем символов, а не их конституирования. Представители символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, Т. Кун) больше внимания уделили человеческому поведению в связи с символической интерпретацией тех ситуаций, в которых оно осуществляется. Ими признается опосредующая роль символов в процессе социального взаимодействия. Впервые были зафиксированы специфические особенности социальной стратификации посредством символики социальных групп.

Проблематика политической легитимации, и в частности аспекты ее символической составляющей, присутствует также в контексте дебатов о политической культуре, даже если она терминологически оформляется в понятиях «символы власти», «политический менталитет», «политическая мифология», «политические верования и символы», «доверие в политике» и т. п., или в связи с исследованием политических коммуникаций. Не умаляя роль, которую сыграли классические труды в области политико-культурных исследований и политической легитимации таких авторов, как Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон, Л. Пай, Р. Даль, наибольший научный интерес для предмета настоящего исследования представляют работы А. Вильдавски, К. Гиртца, М. Дуглас, Д. Кертзера, Д. Ловелла, Р. Такера, М. Томпсона, М. Эдельман, ориентирующие на раскрытие роли символических практик и их структур в обосновании политического порядка и активности политических акторов. Акценты на символической, коммуникативной стороне политико-культурных феноменов и их легитимизирующей роли представлены в работах таких исследователей, как А. С. Ахиезер, Э. Баталов, И. Н. Барыгин, Л. Бляхер, О. Гатман-Голутвинова, И. Б. Градинар, А. В. Дука, Н. Н. Крадин, М. М. Назаров, В. Д. Нечаев, Г. В. Голосов, К. Е. Коктыш, Ю. С. Пивоваров, В. А. Попов, С. П. Поцелуев, В. Рукавишников, А. И. Соловьев и др.

Для изучения символических структур, выявления их генезиса и динамики значимы работы, выполненные в русле неинституционального подхода: Д. Норт, Р. Патнем, Р. Либерман, В. Меркель, А. Круассан, В. М. Сергеев, В. Л. Гельман и др., позволяющие расширить горизонты исследования «символической обоснованности» динамики формальных и неформальных институтов, вывести его за рамки обсуждения абстрактных принципов легитимации или мифически манипулятивной природы «политических верований». Сторонники данного подхода объясняют влияние в политике различного рода «символов», «верований» и иных культурных факторов возможностью их воплощения в неформальных и формальных политических институтах и организациях. Институционализация рассматривается в контексте подобной стратегии как процесс образования специфического набора

легитимных социальных норм («социального капитала») и правил (функциональных кодов), задающих контекст человеческого существования и взаимодействия. Неинституциональный «прорыв» в социологии и политической науке придал новый импульс начавшемуся еще несколько десятилетий назад изучению форм солидарности, социальной идентичности, гражданского доверия и их воздействия на трансформацию политических институтов в работах таких авторов, как Р. Инглхарт, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон.

В методологическом плане особенно важны для разработки перспективных аналитических инструментариев исследования символических структур политической легитимации работы, выполненные в русле так называемых «новых социологий». Несмотря на различия в исходных методологических посылах стратегий неофункционализма (Н. Луман) и разновидностей «социального конструктивизма» (П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман, Ю. Качанов), их объединяет понимание культуры как социального запаса знаний, символов, а процесса легитимации – как структурирования, упорядочивания системы символов, позволяющего обосновывать идентичность и солидарность сообществ. Они позволяют вывести на новый уровень исследования символической и коммуникативной природы публичной власти, обозначенные ранее такими учеными, как Э. Кассирер, Х. Аренд, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Ш. Эйзенштадт.

Так, в социологии знания П. Бергер и Т. Лукман обосновали необходимость «узаконивания» символических универсалий общества. Их теория легитимизации базируется на внутренней нестабильности индивида, требующей «создания самим человеком устойчивой жизненной среды» [2]. Они делали акцент на том факте, что через символизацию социальной реальности власть способствовала ее осмыслению.

В рамках социологии проблема «политического символа» активно рассматривается П. Бурдьё. Его работы обогатили науку такими понятиями, как «символическое насилие», «символический капитал», отражающими одновременные символические и физические измерения социального пространства. Бурдьё рассматривает поле политики как пространство, где доминирует субъект, имеющий наибольший символический капитал, а потому способный управлять медийным полем. В его понимании символический капитал означает наличие легитимной компетенции – признаваемого права интерпретировать смысл происходящего, говорить, «что есть на самом деле», а также навязывать определенное понимание другим агентам. В этом отношении все прочие виды капитала зависят от символического капитала.

Таким образом, накоплен определенный опыт изучения символических структур политической легитимации и сопряженных с этим явлением феноменов. В то же время очевидна потребность комплексного исследования символических аспектов политической легитимации, значимость которого возрастает в условиях все усложняющейся динамики социально-политических процессов в Украине.

Изложение основных положений. Большое значение для развития процесса легитимации государственной власти имеют символические формы, такие как символы власти и символические капиталы. Обладание *символами власти* порой

приравнивается к обладанию самой властью. И борьба с ними в ряде случаев заменяет и знаменует борьбу с самими властными структурами. Примером последнего служит свержение памятников прошлого при смене политического строя. Так, например, борьба с тоталитарной идеологией, развернувшаяся с конца 1980-ых гг. и имевшая непоследовательный и неокончательный характер, в значительной степени свелась к разрушению символов тоталитарной мифологии, таких как памятник Ф. Э. Дзержинскому на Лубянской площади в Москве или повсеместное свержение памятников в Украине на протяжении 2014–2015 гг., олицетворяющих советский период развития (в частности, памятников В. И. Ленину).

Обладание властью, безусловно, не тождественно обладанию ее символами, однако последние способны в значительной мере повлиять на ее завоевание. В данном случае важным является общественное признание этих символов. Иначе они будут служить лишь декоративным украшением.

Символическая власть возникает не как чистый символ, а как постоянное, динамическое отношение между теми, кто власть осуществляет, и теми, кто ее испытывает на себе. В настоящее время на поддержку такого взаимоотношения между властью и подчиненными способны только средства массовой коммуникации как производители массовой символической продукции. Причем, показанное взаимодействие осуществляется не только в поле политики, но и в поле культуры, затрагивая и психологические аспекты внушения. Символический аспект власти подразумевает создание средствами массовой коммуникации сети мифов, символов, смыслов и значений. Поэтому можно утверждать, что социальный механизм средств массовой коммуникации является одним из важнейших инструментов реализации символического капитала власти.

Понятие *«символический капитал»*, как отмечалось выше, было введено в оборот в конце прошлого века французским социологом Пьером Бурдьё [3; 4]. Под символическим капиталом французский исследователь подразумевает устойчивые системы ценностей, верований, а также ментальные образы мира, способы восприятия действительности, которые, входя в структуру общественного сознания, *обеспечивают легитимность* субъектам политической власти, *укрепляют их статусные позиции* в пространстве политического поля. П. Бурдьё утверждал, что совокупность экономического, культурного и социального капиталов, накопленных субъектом и признаваемых легитимными, например, репутация, престиж, внешность, имя, знаки достоинства или высокого социального статуса и т. п., также имеет огромное значение для участников политических отношений. Он понимал под символическим капиталом тот кредит доверия, который облегчает любой акт социального обмена и об экономической выгоде которого принято умалчивать.

Легитимность как доверие, признание обществом того или иного института едва ли не в первую очередь зависит от этой совокупности. Чем больше уважения вызывает у членов общества репутация, личностные достижения того или иного политика или властного органа, тем большим будет доверие к нему, тем больше будет уровень его легитимности. Однако символический капитал бывает и отрицательным. Отрицательность эта во многом определяется устоявшейся в обществе оценкой

позитивного и негативного. В качестве примера можно привести имена многих политиков, имена которых вызывают у социума негативную реакцию. Любая их, даже, возможно, полезная, практическая деятельность оценивается сквозь призму уже имеющейся у них репутации. Вместе с тем показатели статуса, компетентности оцениваются, прежде всего, на нерациональном уровне, не всегда подвергаются критическому восприятию и реальной оценке. Например, если политик «со знанием дела» берет в руки хлебный колос, молоток, пилу и т. д. (так называемые знаки компетентности), то многие верят, что он специалист, независимо от того, каковы на самом деле его реальные познания в этой сфере.

Исключительным местом концентрации и осуществления символической власти выступает государство, располагающее мощными средствами навязывания и внушения устойчивых принципов видения мира в виде *информационного* и *культурного капиталов*. Обладая информационно-культурным капиталом, государство, отмечает Бурдье, «участвует в объединении культурного рынка, унифицируя все коды: правовой, языковой». Посредством образовательных структур и общественных ритуалов «государство формирует ментальные структуры и навязывает общие принципы видения и деления», т. е. формирует то, что принято называть национальной идентичностью. Таким образом, политическая власть мыслится Бурдье в контексте силовых полей и структурных конфигураций политического поля, включая его игровые и капиталоемкие параметры.

Другой известный американский исследователь Элвин Тоффлер выделяет универсальные источники политической власти – насилие, богатство, знание [11]. Именно они во все времена использовались людьми и общественными институтами в целях утверждения власти. «...Какие бы инструменты власти ни эксплуатировались правящей элитой или отдельными людьми в их частных взаимоотношениях, сила, богатство и знание остаются ее основными рычагами. Они образуют триаду власти», – утверждает Тоффлер. Власть, по Тоффлеру, есть система отношений, представляющая собой сочетание трех компонентов – *силы, богатства и знания*. В разные исторические эпохи данное соотношение имело определенные конфигурации. В древних обществах в системе властных отношений доминировала сила. В индустриальном обществе доминировало богатство. В современном информационном обществе, считает Тоффлер, знание выступает главенствующим источником власти и движителем его новейших метаморфоз. «...Знание, – по его словам, – перестало быть приложением к власти денег и власти силы, знание стало их сущностью. Оно, по сути, их предельный усилитель. Это – ключ к пониманию грядущих метаморфоз власти, и это объясняет, почему битва за контроль над знаниями и средствами коммуникации разгорается на всем мировом пространстве». Следует отметить, что под знаниями Тоффлер подразумевает широкий круг данных, включающий любую информацию, представления, образы, ценности, подходы «и прочие символические продукты общества, независимо от того, «истинны» они, «приблизительны» или «ложны». Другими словами, говоря о знании как о доминирующем источнике власти в современную эпоху, Тоффлер обращает внимание на *расширение власти символического капитала*. Именно контроль над символическим капиталом, доступ к

нему и его распределение выступает главной сферой политической борьбы в информационном обществе. «Сегодня в быстроменяющихся богатых странах, несмотря на несправедливое распределение доходов и благ, грядущая борьба за доминирование будет все больше и больше превращаться в сражение за распределение и доступ к знаниям... Контроль над знаниями – вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества», – утверждает Тоффлер. Знание как символический капитал, становясь доминирующей силой в системе властных отношений, согласно Тоффлеру, оказывает преобразующее воздействие на другие компоненты власти. Так, к примеру, богатство в форме денежной массы и денежного обращения начинает приобретать символические формы в виде электронных денег и электронных операций. Более того, общий вектор развития экономики таков, что весь мир переходит к «суперсимволической экономике», капитал стремительно становится «суперсимволическим».

На постсоветском пространстве понятие «символический капитал» трактуется большинством исследователей как «человеческий капитал», то есть как уровень образования, профессиональной компетентности населения, а также способности человека, вложения в развитие которых приносят работнику доход, который в течение трудовой жизни превышает совокупные инвестиции. Обосновывается положение о том, что существует двойной уровень результатов накопления и использования «человеческого капитала»: промежуточный в виде способностей, навыков, качеств и окончательный в виде доходов от участия в общественном производстве, значительно превышающем инвестиции в человеческий фактор, а также карьерного роста, изменения условий и содержания трудовой деятельности и т. д. [5].

А. А. Местников считает «символический капитал» свойством участников рынка, выражающемся в авторитете, репутации или узнаваемости. «...Важным фактором рынка венчурных инвестиций является инвестирование символического капитала, определяемого как такое свойство участника рынка (венчурного фонда, управляющей компании), когда оно воспринимается другими агентами, способными в силу своего опыта придать ценность этому свойству и определить свое положение относительно этого участника рынка. ...Источником символического капитала является государство» [9].

Д. С. Максимович, исследовавшая символический капитал в контексте власти, характеризует его как «...особый вид капитала, которым располагают органы власти, ...основным инструментом его реализации выступают средства массовой коммуникации. Символический капитал является не отдельным социальным явлением, а синтезом социальных отношений. К институциональным составляющим символического капитала власти относится тип принадлежности символического капитала власти, выражающийся в законодательной или харизматической способности института или личности быть в центре внимания населения, а также специфический способ власти (в форме личности или института) привлекать внимание к определенным социальным процессам, ведущим к аккумулярованию властных полномочий. Функциональные составляющие включают в себя способы

донесения социально значимой информации до сознания населения и способы сохранения или изменения ценностных ориентаций общества» [8].

Приведенные нами определения данного понятия, конечно, не являются определениями разного «символического капитала». Скорее, это разные культурные аспекты одного и того же явления, ставшего чрезвычайно актуальным с развитием информационной структуры всё более глобализируемого социума.

То есть «символический капитал» складывается из большого количества смыслов, несущих информацию, вкладываемую в него его обладателями и воспринимающими. Таковыми смыслами являются, на наш взгляд, *смыслы культурные* (воспитываются в этносе, включают в себя совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения) и *цивилизационные* (складываются в результате социальной организации общественной жизни и культуры и характеризуются всеобщей связью индивидов или базисных социальных оснований в целях производства общественного богатства, обеспечивающего её существование и прогрессивное развитие) [6].

Значение и восприятие самих *символических форм* зависит во многом от культурных, социальных практик, исторически сложившихся в Украине. Поэтому представляется важным изучение и выявление факторов оказывающих влияние на восприятие населением самой власти и ее символов. Отдельного пристального внимания заслуживают *правовые аспекты* этого процесса [1]. Право, являясь одним из важнейших социальных регуляторов, безусловно может оказывать мощное влияние как на процесс формирования символических форм, так и на их существование. Однако правовые нормы в Украине имеют весьма неоднозначный статус и не всегда способствуют легитимации символических форм или самих властных структур. Поэтому важно определить их место и роль в процессе признания обществом того или иного явления. Способствуют они этому или, наоборот, порождают иную реакцию. Кроме того, важно рассмотреть взаимосвязь права и символических форм, как факторов легитимации. Отдельно следует сказать о легитимационном коде, характерном для постсоветской и западноевропейской культуры. Западная легитимация, основанная на признании данных человеку Богом неотъемлемых прав, строится больше на согласии, консенсусе, переговорах населения и властных органов. Если власть не признает этих прав, то население может ее устранить. В этом случае особое значение приобретают процедурные моменты, призванные обеспечить наличие этого консенсуса, и получают развитие органы парламентского типа. Легитимность в данном случае есть согласие населения, поддержка властных решений и принимающих их органов. Для постсоветского пространства больше характерно беспрекословное подчинение власти, отсутствие консенсуса. Переговорные процедуры развиты недостаточно. Власть является самопроизводной и не нуждается в переговорах с населением о необходимости своего существования, о формах своего выражения. Однако это не означает, что власть не нуждается в легитимации. Ибо невозможно обеспечить принудительное исполнение всякого решения. Народ должен добровольно исполнять большую часть предписаний

властных структур, признавая, что они правомочны их издавать. Но иным является код легитимации. Легитимность здесь не консенсус, а «безграничное доверие к власти». Основа поддержки власти во многом является этически и религиозно окрашенной. В некоторых аспектах легитимация власти в Украине серьезно противостоит процессам формально правовой регламентации, позитивному праву.

Все это имеет место в связи с рядом культурных, исторических особенностей Украины, которые, помимо прямого влияния на процесс легитимации власти, обусловили специфическое восприятие населением Украины права. В связи с чем правовые нормы играют особую роль в процессе легитимации.

К числу указанных особенностей можно отнести следующие: неоднородность политического пространства и общества Украины. И то, и другое состоит из нескольких составляющих, значительно различающихся по ряду показателей. Одни исследователи ведут речь о разделении пространства на блоки, каждый из которых, трансформируясь из столетия в столетие, определяет одну и ту же модель властных отношений, в частности, наличие автократора, призванного объединить эти разнотемпоральные составляющие. Другие ведут речь о расколе ценностных ориентаций, так же не меняющемся на протяжении века, когда население по своим ценностным ориентациям поделено на сторонников либеральных преобразований, консерваторов, и сторонников национально-государственной идеи. И это соотношение практически неизменно.

Кроме того, Украину относят к конгломеративным или многосоставным обществам. На практике изложенное выше приобретает, по нашему мнению, следующий вид. Украинское общество крайне неоднородно и по своим ценностным, политическим ориентациям в отношении властных органов, и по приверженности модернизированности или традиционализму. Оно состоит из ряда анклавов, что и обуславливает неоднозначность восприятия одних и тех же действий власти различными его составляющими. Это требует от властных структур разнообразия способов самооправдания, различия источников легитимности. Где-то более эффективна традиционная легитимность, где-то – персональная и т. д.

Однако, анклавы существуют и внутри самих властных структур, определяя их решения. Легитимация здесь отличается избираемыми методами. Традиционен анклав или модернизирован, консервативен или либерален – это накладывает отпечаток на избираемые им способы собственного обоснования, собственной легитимации.

Наряду с этим существует сложившаяся традиционная модель отношений власти и населения, которая воспроизводится в отношениях властных структур с обществом, практически не завися от анклавов. Это ситуация доминирования власти. Власть почти всегда служит источником преобразований. Власть, по мнению части населения, не досягаема и не поддается контролю и воздействию со стороны граждан. Она сама контролирует все и беспрепятственно проникает всюду. Это порождает некоторый страх перед властью и настороженное к ней отношение. Некоторые исследователи отмечают, что в результате этого социальная активность населения перемещается в сферу горизонтальных социальных связей. Возможности же вертикальных коммуникаций крайне ограничены (за исключением моментов

революционных преобразований, когда некоторая пассионарная часть народных масс получает возможность «попасть во власть»). На наш взгляд, здесь следует сделать одно уточнение. Ограничены официальные коммуникации. Активность же граждан переместилась в сферу установления неформальных и неофициальных отношений с представителями власти. В данном случае именно на этом уровне осуществляется воздействие населения на властные структуры.

Проблема *легитимации политической власти* представляется особенно сложной и актуальной с учетом того, что явление это многосоставное. С одной стороны, это усилия политической власти, направленные на получение определенной поддержки населения своей деятельностью и своему существованию. С другой – восприятие населением властных институтов и их оценка. Как деятельность власти может носить различный характер – от идеологической работы, идейного обоснования своих действий до реальной практической деятельности, – так и поддержка населения может находить свое выражение в электоральных процессах – публичных акциях в защиту власти, благожелательном приеме и последовательном исполнении принятых ею решений. Кроме того, эффективное исполнение властью своих функций, соответствие уровню и характеру общественного запроса не всегда ведут к однозначному принятию и поддержке этой власти в обществе. Это, по-видимому, связано с явлением инерции социальных настроений, ригидностью форм коллективного мышления, особенно в ситуации идейного плюрализма и декларируемой ориентации на мотивированное рациональное, индивидуализированное действие.

В нашей стране в настоящее время проблема легитимности власти предстает чрезвычайно важной в связи с возникшими серьезными вызовами существующей политической системе. К ним стоит отнести, прежде всего, снижение уровня доверия граждан к основным политическим институтам: демократическим выборам (рост электорального негативизма – так называемое протестное голосование, увеличение доли абсентеизма), ведущим политическим партиям и движениям, средствам массовой информации. Это влечет за собой опасное отчуждение власти от граждан и создает деструктивное напряжение политической системы.

Выводы. В такой ситуации особую актуальность приобретает вопрос о легитимации государственной власти, где существенное значение имеет символика, которая выступает специфическим носителем и выразителем содержания определенной идеологической программы, выражающей интересы той или иной политической силы.

Современный социум находится в ситуации, когда всё большее распространение и функционирование приобретает капитал «символический», определяемый как совокупность социальных, политических, психологических, эстетических, религиозных и аксиологических смыслов, потенциально содержащих возможность получения соответствующей выгоды. Тенденции и перспективы таких изменений – сложнейшая и интереснейшая загадка будущего.

Литература:

1. Байрачная Л. К. Конституционная стабильность и легитимация правового поля: к вопросу о соотношении // Л. К. Байрачна. – Гуманитарний часопис. Збірник наукових праць. – 2013. – № 2. – С. 100–113.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности // П. Бергер, Т. Лукман. – Медиум, 1995. – 333 с.
3. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя. – 2007. – С. 87–96.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко // П. Бурдые. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005. – В 2-х т.
5. Воителев М. А. Человеческий капитал и его роль в постиндустриальной и переходной экономике: дис. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.01 / М. А. Воителев. – М., 2004. – 157 с.
6. Демидова М. В. «Символический капитал»: социально-философский анализ // Научно-практические конференции ученых и студентов с дистанционным участием. Коллективные монографии. [Электронный ресурс] / М. В. Демидова. – Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1739-1-r->. – Заголовок з екрану.
7. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. ; пер. с нем. С. А. Ромашко. // Э. Кассирер. – М. – СПб. : Университетская книга, 2002.
8. Максимович Д. С. Символический капитал власти и средства массовой коммуникации в информационном обществе: методология социально-философского исследования и социально-политические практики : автореф. диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: спец. 09.00.11. // Д. С. Максимович. – Ростов-на-Дону. – 2011. – С. 11.
9. Местников А. А. Развитие рынка венчурных инвестиций: социологический подход : автореф. диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук: спец. 22.00.04. / А. А. Местников. – М., 2011. – 130 с.
10. Речицкий В. В. Символическая реальность и право / В. В. Речицкий. – Л. : ВНТЛ-Классика, 2007. – 732 с.
11. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Издательство акт», 2003. – 612 с.
12. Уайтхед А. Символизм, его смысл и воздействие / А. Уайтхед. – Томск : Водолей, 1999. – С. 195–210.

Рецензенты:

Доктор філософських наук, професор, декан гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Копилов В.О.

Доктор філософських наук, доцент, професор кафедри філософії гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Чернієнко В.О.